

Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова "Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в.
как исторический источник"

В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах.

Том VII. Исследования, рецензии, речи (1866-1890)

М., Издательство социально-экономической литературы, 1959

OCR Бычков М. Н.

Тему, избранную г-ном *Платоновым*, можно признать рискованною в некоторых отношениях. Литературные произведения, которые могли служить источниками для истории Смутного времени, не только многочисленны, но и очень разнообразны по своим литературным формам, по месту и времени происхождения, по взглядам их составителей на описываемые события, наконец, по целям и побуждениям, которыми вызывалось их составление. Это разнообразие и обилие материала подвергали исследователя опасности лишить свое исследование надлежащей ценности и полноты, затрудняли подбор и группировку данных, порядок изложения и выбор самых приемов изучения. Автор не скрывал от себя этих затруднений, и они заметно отразились на его труде. Поставив себе задачей "систематический обзор" литературных произведений великорусской письменности XVII в., посвященных изображению и обсуждению событий Смутного времени, автор, однако, сам сознается в предисловии, что ему не удалось выдержать "единообразного приема" ни в общем порядке изложения, ни в исследовании отдельных произведений. Лучшей системой обзора своего материала он считал "систему хронологическую", но отсутствие точных сведений о времени составления многих сказаний о Смуте заставило его отказаться от такого порядка изложения. Он принял более сложное деление своего материала, разбив разбираемые им памятники на три отдела, из коих один образовал произведения, составленные до окончания Смуты, другой -- важнейшие произведения времени царя Михаила, третий-- произведения второстепенные и позднейшие, причем в числе второстепенных разобрана автором одна повесть о убиении царевича Димитрия, составленная, по-видимому, также до окончания Смуты. Притом "автор иногда находил более удобным давать отчет в одном месте о разновременных произведениях в силу их внутренней близости и зависимости одного от другого"¹. Поэтому обзор произведений, составленных до окончания Смуты, он начал подробным разбором так называемого *Иного сказания*, состоящего из разновременных частей, и в связи с пятой его частью разобрал служившее ей источником повествование о Смуте хронографа второй редакции, составленного после Смуты.

В таком распорядке материала есть одно неудобство: он помешал автору воспользоваться в надлежащей мере именно той особенностью разбираемых им памятников, которая всего более могла придать единство и цельность его труду. Он замечает в предисловии, что среди разбираемых им памятников часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические. Я думаю, что можно сказать даже больше: на всех этих памятниках заметны более или менее явственные следы политической окраски, все они в известной степени тенденциозны. В этом отношении Смута произвела заметный перелом с древнерусской историографии: она вывела древнерусского повествователя о событиях в родной земле из того эпического бесстрастия, в какое старался, хотя и не всегда удачно, замкнуться древнерусский летописец. Это понятно: Смута поставила русских людей в такое непривычное для них состояние, которое против их воли тревожило их чувства и нервы и через них будило мысль. В этом возбуждении можно даже заметить некоторое движение: чувства удивления и тревоги, вызванные первыми симптомами Смуты, потом переходят в политические страсти и, наконец, когда миновала Смута, превращаются в спокойные политические мнения. Итак, пробуждение и развитие политической мысли под влиянием Смуты -- вот вопрос, который составляет центр тяжести избранной автором задачи и разрешение которого могло бы сообщить цельность его исследованию. В разборе некоторых произведений он отмечает, к каким партиям принадлежали, каких политических мнений держались их составители, но благодаря принятому автором распорядку материала эти отметки не складываются в цельную картину. Можно даже заметить у автора наклонность убавлять цену, какую имеет для историка эта публицистическая тенденциозность литературных памятников Смутного времени. Обличительная повесть протопопа Терентия о видении 1606 г. очень любопытна как энергический протест против пороков современного ей русского общества и особенно обнаружившейся в нем падкости к "мерзким обычаям и нравам скверных язык", тем не менее автор отказывает ей в значении исторического источника². Обо всех сказаниях, составленных до окончания Смуты, исследователь замечает, что они